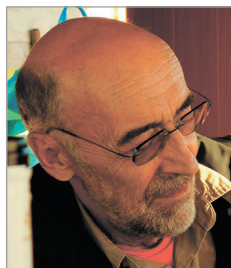

©2020 Б.В. МАРКОВ, А.М. СЕРГЕЕВ, В.Н. БОЧАРНИКОВ

ФЕНОМЕН ПАНДЕМИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МАТАФИЗИЧЕСКОГО, АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО ИЗМЕРЕНИЙ

Марков Борис Васильевич — доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии. Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета. Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.
Электронная почта: bmarkov@mail.ru, b.markov@spbu.ru

Сергеев Андрей Михайлович — доктор философских наук, профессор кафедры философии. Институт философии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Российская Федерация, 197046 Санкт-Петербург, ул. Малая Посадская, д. 26.
Электронная почта: asergeev8@yandex.ru

Бочарников Владимир Николаевич — доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник. Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения Российской академии наук. Российская Федерация, 690041 Владивосток, ул. Радио, д. 7.
Электронная почта: vbocharnikov@mail.ru

■■■■■■■■■■ **НАУЧНЫЕ ИССЛЕ- ДОВАНИЯ** ■■■■■■■■■■

Аннотация: В статье представлены различные точки зрения на понимание феномена пандемии, возникновение которой повлекло за собой как изменение привычных представлений, так и трансформацию ряда концептуальных допущений, а также актуализацию новых тематических линий в философской антропологии. Авторы объединяет убеждение в том, что пандемия мобилизует символические, экзистенциальные и биологические иммунные системы человека. Используются различные концепты, которые находили порой неожиданное выражение в базисных метафорах культуры и отсылали к пониманию жизни в биологии, психологии и культурологии. Размышление о пандемии выявило новые акценты соотношения простого и сложного, близкого и далекого, индивидуального и социального, естественного и культурного, ожидаемого и неожиданного, своего и чужого, данного и другого. В такой перспективе появилась возможность нового отношения к ряду традиционных философских рубрик, включая темы «разумности», индивидуальности» и «социальности». Авторы исходят из того, что такие понятия, как живое и неживое, человек и животное, с одной стороны, являются позиционными, то есть обусловленными объективными, естественными законами и фактами, а с другой — нагружены символическим содержанием, которое в свою очередь оказывается достаточно разнородным и включает кроме теорий ценностные установки, традиции нормы культуры. Отсюда программу авторов можно назвать когнитивной культурологией, или антропологией. В результате анализа биологического, социально-исторического и культурно-символического контекстов дискуссий о природе COVID-19 позволила разграничить и затем привлечь различные дискурсы. Для общественных наук наиболее актуальной представляется предложенная в статье концепция символической иммунологии, в которой аккуратно используются понятия вирусологии применительно к культурным взаимодействиям. Культуры, как и организмы, не являясь замкнутыми, они взаимодействуют со средой, им необходимы инъекции другого и даже чужого, которые способствуют не разрушению, а укреплению «здоровья» культур.

Ключевые слова: пандемия, вирус, дикая природа, живое и неживое, человек, Я и Другой, свое и чужое, насилие, символическая иммунология, культурная вирусология.

Ссылка для цитирования: Марков Б.В., Сергеев А.М., Бочарников В.Н. Феномен пандемии сквозь призму метафизического, антропологического и социального измерений // Человек. 2020. Т. 31, № 3. С. 7–24. DOI: 10.31857/S023620070010034-4.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по теме «Нелиберальные концепции толерантности: история, практика, перспективы»; проект № 19-011-00779.

Философское отношение к пандемии: игра или серьезный случай?

Как форма критики настоящего философия должна вовлекаться в полемику, выявлять скрытые предпосылки, которые кажутся очевидными и обычно не обсуждаются, но именно они и приводят к разногласиям. Правда, философия не всегда соответствует этому требованию. Например, Декартово радикальное сомнение является методическим, но не экзистенциальным. Требуя сомневаться во всем, Декарт рекомендовал придерживаться обычаев той страны, в которой живешь. Сомнение как форма эмансипации возможна, пока мы не сталкиваемся с серьезным случаем. Есть области, где нельзя достигнуть консенсуса и тем не менее следует принимать решение.

Можно дать дефиницию тому, о чем не говорит дух времени: это серьезный случай, создающий чрезвычайную ситуацию. Вирус — это вызов природы, и на него должны отвечать биология и медицина. Это удар по глобальной экономике и политике, вызывающий сомнения в сложившихся критериях цивилизационного развития. Для философии это экзистенциальный вызов, заставляющий размышлять о конечности человека. И конечно, в современных медиа пандемия — событие, которое превращается в выгодный товар.

Пандемия неожиданно актуализирует работы философов «эпохи экстрема» — М. Хайдеггера, К. Шмитта, Ж. Батайя, писавших о предельном опыте, а также современных авторов — Дж. Агамбена, Р. Жирара и других, у которых разного рода «каннибальские» практики превратились в литературные перформансы. Есть такие люди, которые желают поучаствовать в «игре на выживание», даже посредством симуляции. Они надеются, что смогут преодолеть трудности и проверить себя в рискованной ситуации. Несомненно, это базисная потребность человека. Людей, способных выдержать трудные испытания, называют «стойческими». Однако подчас складываются ситуации, когда речь идет не о самоиспытании, а о жизни в условиях существования, которые радикально отличаются от привычных. Молодые, слабо представляющие, какие испытания выпадали на долю предшественников, испытывали чувство зависти оттого, что им никогда не представится возможность удачно или неудачно противостоять серьезным рискам. Теперь это случилось. Но осознают ли они величие момента?

Не стоит думать, что природа человека остается неизменной в любой момент истории. Опыт одного поколения не всегда

Б.В. Марков,
А.М. Сергеев,
В.Н. Бочарников

Феномен пандемии
сквозь призму
метафизического,
антропологического
и социального
измерений

подходит поколению другому, любое новое действие сопряжено со значительной долей риска. Кроме того, в случае проявления угроз, равных прежним, возможна другая человеческая реакция. Поэтому критикам экстренных мер противодействия угрозам следует учесть, что есть нечто большее, чем обстоятельства и власть, предопределившие неудачу.

Цель данной статьи — философско-антропологическое осмысление феномена пандемии не только в отношении ее прямых последствий, связанных со здоровьем человека, но и в перспективе привносимых в жизнь человека изменений, которых тот не ждал и не готов принять, понять. Конкретные задачи состоят: в различении вируса как объекта, а пандемии как события от метафор и феноменов «вирус» и «пандемия» в общественном сознании; в аналитике негативного опыта, прежде всего насилия; в описании психоистории общества и выявлении ее «темных пятен», или архетипов бессознательного, которые оживают в чрезвычайных ситуациях. Результатом проведенного исследования являются анализ и привлечение различных способов осмысления феномена пандемии, что позволяет лучше понять взаимодействие науки и общественного сознания в современном обществе.

Дикая природа и человек

Человечество не забыло «чумные» десятилетия средневековых инфекций из южных стран, поголовно истребляющих население Европы, как не забыло и эпидемии — спутники человеческих войн. Третье тысячелетие пробудило к жизни слово «вызов», которое в своем англоязычном выражении — «challenge» — содержит ряд различных значений: «проблемы», «трудности», «ограничения», «постановка задач», «поиск возможностей для решения». Историческое воздействие живого на неживое посредством человека стало великим шагом к постижению мироздания. Однако в эпоху высоких культур дикая природа представлялась чем-то противоположным человеку: была иной и чуждой ему, противной его сути и источником его страхов [12, с. 134]. В меньшей степени дикая природа воспринималась в качестве осознанного, в большей — представляла чем-то внутренне закрытым и «напитывающим» коллективное и индивидуальное бессознательное.

Дикая природа — антипод освоенного и известного. С незапамятных времен природное и естественное выявлялись и выделялись как противоположности культурному и неестественному — таким образом дикая природа оказывалась «изъятой» из культуры человеческой. Понимаемая в прямом смысле слова, дикая природа

есть то, что тяготеет к исчезновению: на нашей планете практически трудно, если вообще возможно, найти участок земли, не освоенный человеком.

В современную эпоху Земля становится «человекоразмерной системой»: человеческие действия видоизменяют поле ее возможных состояний, демонстрируя последствия разумного и неразумного ее освоения [7, с. 272]. Существование дикой природы связано с сохранением освоенного мира и поддержанием очеловеченной природы, ориентированной на сбережение глобальных циклов вещества, энергии и информации. С масштабно растущей заменой природных материалов на материалы синтезированные, выращенные или распечатанные на 3D-принтерах осуществляется очередная экспансия, отрезающая еще один из параметров естественности. В современных городах стремительно утрачиваются навыки выживания в природе, даже если последние связаны с биологически необходимым, жизненно важным и прямым соприкосновением человека с элементами своей среды. Неиспользуемые функции человеческого тела теряются вместе со способностями ощущать себя в пространстве и во времени. Как естественная органика биосферы замещается искусственными веществами, так и человек, пораженный коронавирусом, оказывается в ситуации, когда ему отказывает самый важный функционал синтеза живого, связанный с дыханием кислородом, который, в свою очередь, является основным продуктом растений.

Нано- и биотехнологии связаны, с одной стороны, с противоестественным сочетанием генов разных форм живого, а с другой — с новыми формами сочетания живого и неживого. Этим и объясняется то, что изобретенная в США для борьбы с нефтяным загрязнением в Мексиканском заливе бактерия Синтия оказалась способной порождать заболевания и гибель не только морских организмов, но и людей, привыкших получать удовольствие от употребления термически необработанной рыбы. Мир, где растут и множатся ГМО, бесконтрольно используются вредные нановещества, становится беспрецедентно опасным. Несмотря на рекламу экологически чистых продуктов, любое приближение естественного человек стремится привычно опосредовать и устранить как нечто для себя небезопасное. Поэтому можно говорить о том, что пандемия становится финальным актом драмы, поставленной и исполненной самим человеком.

Надо понять, что дикая природа представляет собой тот феномен, который показывает принципиальную невозможность полного умопостижения природы. Дикая природа предстает чем-то трансцендентным, находящимся за пределами знания. Новый формат узнавания и присвоения природного изменяет базовый

Б.В. Марков,
А.М. Сергеев,
В.Н. Бочарников

Феномен пандемии
сквозь призму
метафизического,
антропологического
и социального
измерений

формат человеческого освоения природы, которая сегодня все больше воспринимается в модусе виртуальной реальности, как и в режиме онлайн завораживающие воображение трансляции картин животных, пойманных фотокапканами и видео-ловушками. Однако человеческий организм не перестает быть телом, зависящим от окружающей среды. Человек «подчинен» множеству программ и каждая из них реализуется в конкретных алгоритмах физиологических и биохимических организменных процессов.

Пандемия напоминает человеку о том, что он не может исключить себя из природы. Напротив, важна его включенность и вживание в нее. Природа раскрывает многое из того, что есть вне нас, но также и то, что скрыто внутри нас — в виде генома человека, в котором закодировано внешнее и природное «устройство», позволяющее в определенных условиях окружающей среды осознавать и понимать себя, чтобы затем реализовывать это в эмбриогенетических процессах. Пока мы постигаем «послание», транслированное посредством эпидемии, как «ничто», однако важно, чтобы переживаемый ужас способствовал не росту виктимизма, но «понимающему» опознаванию.

Пандемия: разворот к себе

Пандемия обнажает остроту борьбы между жизнью и смертью, раскрывая и силу, и бессилие социума, ведь каждая генетическая мутация пробуждает и тестирует адаптацию живого к изменениям окружающей среды. Среда — не только ближайшее, но и дальнее, исключенное разумом, имманентно присутствующее как фон. Это кажется, что эпидемия возникает вдруг и неожиданно. На самом деле она «подготовлена» и «спровоцирована». Это ответ на нашу жизнь и наши желания, посредством которых мы влеклись к тому, чего не имели. И эта респонзивность (ответность) побуждает поднять вопрос об ответственности, когда важно понять, за что сегодня мы отвечаем нашей жизнью. То, что еще недавно воспринималось без каких-либо позитивных и негативных коннотаций, выступая фоном происходящего, теперь актуализируется. В философском контексте пандемия, испытывая нас, помогает нам понять и изменить себя. Ожидание хэппи-энда оказывается инфантилизмом, ибо эпидемия, как «черная дыра», как мощный аттрактор, «поглощает» все наши надежды и чаяния. Чрезвычайные ситуации развиваются именно таким образом — ускоряясь до крайности. И это побуждает понять себя в контексте различения того, что можно утратить, и того, что можно поколебать, но невозможно у нас отнять, что не может быть вобрано в «черную дыру» безвозвратно.

Одним из моментов, выявившихся в ситуации эпидемии, стал удар по способу восприятия социального пространства и времени. Такой удар нанесен по ближайшему, по возможности быть вместе с родными и близкими, с теми, кто входит в круг ближайшего социального окружения человека. Изоляция и дистанцирование социальных связей не только оказываются способом проверки последних на прочность, но и существенно их модернизируют и изменяют. Ведь если ближайший оказывается тем, кто приносит с собой потенциальную опасность, а не частичку радости, как казалось еще недавно, то это говорит о многом. К тому же сам способ организации своего приватного или интимного мира теперь уже связывается у человека не с самим собой, но с дальним — с организациями и учреждениями, которых он сам лично не знает, но которые, однако, изымают у него функции определения того, какими должны быть его экзистенциальное пространство и время.

Пандемия обнаруживает трансцендентное измерение внутренней жизни человека, актуализирует устремленность к концу, предлагая ему посмотреть на свои действия не в горизонтальном, а в вертикальном измерении. Имманентное измерение человека связано с движением к крайности, а эпидемия это только акцентирует и форсирует: естественность жизни сталкивается с неестественностью ее конечности, в которую он инкорпорирован всеми своими помыслами и действиями.

Вирус, вирусология и новые концепты антропологии

Пора поставить принципиальный вопрос о вирусологии, которая лидирует на интеллектуальном рынке. Дело не ограничивается открытием антидота. Понятия вирусологии входят в естественный язык, соединяются со старыми метафорами друга и врага. Философы продумывают вопросы о том, кто такие вирусы и можно ли им приписать свойства субъекта. Обычными людьми эти невидимые существа воспринимаются как враги. И если кинематограф когда-нибудь переключится с инопланетян на вирусы, то непременно будет изображать последних как маленьких чудовищ. Сам образ врага представляет собой весьма сложную психополитическую конструкцию. Политологами он интенсифицируется не только в состоянии реальной угрозы, но и как средство сокрытия внутренних проблем общества, когда вместо изменения политики говорится о том, что она ведется в правильном направлении, но враги препятствуют ее развитию и потому обещанное будущее отодвигается на неопределенный срок. При этом

Б.В. Марков,
А.М. Сергеев,
В.Н. Бочарников

Феномен пандемии
сквозь призму
метафизического,
антропологического
и социального
измерений

в качестве врага чаще всего фигурируют представители маргинальных групп. Ученым трактовка маргиналов как вирусов представляется профанацией, культурологи видят в этом мифотворчество, а специалисты по информационной безопасности подобную трактовку расценивают как фейк. Возможно, образ врага является одним из архетипов бессознательного. Тогда критика и аргументация не являются эффективным способом его преодоления. Против одного архетипа следует выставить другой.

Если враждебность — понятие политическое, то дружелюбность — антропологическое. Это определяется условиями нашего времени. Безболезненная дружба есть извечное понятие: где ее нет, там можно говорить о вражде. Но тогда враждебно то, что близко, если только близкий не оказывается другом. И если политические категории замкнуты на насилие, то этические — на дружелюбность. В этом смысле в раю нет места политическому. Чужие, в отличие от своих, имеют весьма экзотический недифференцированный габитус: они выглядят одинаково опасно. Когда чужие наносят убыток, они становятся врагами, но если нет вреда, то механизмы враждебности не запускаются. Между тем «дружба» с вирусом — иллюзия. Неопределенный страх перед чужим всегда только нарастает, и это значит, что наш тесный мир виртуально заражен расизмом сильнее, чем раньше. Нас пугает то, что есть враг, с которым ничего нельзя сделать, ибо его способы экзекуции превосходят нашу способность защищаться.

В свете отмеченных трудностей проект инверсионной, или негативной антропологии следует оценивать не как описание и тем более смакование «ужасного», а как попытку преодоления сложившихся жестких различий «животного» и «человеческого», которые без каких-либо сомнений, и часто анонимно, принимаются как исходные предпосылки научных исследований [1]. Поэтому должны быть выявлены не только разрушительные, опасные последствия, но и позитивные результаты борьбы (или игры) с негативным, а также использованы результаты опыта балансирования на границе возможностей человеческого существования.

Таковыми мелкими «существами», как микробы, бактерии, вирусы, занимались разве что врачи и микробиологи. Общественные науки, в частности философия, чаще всего обменивались метафорами и понятиями с физикой. Однако теория информации, генетика, развитие когнитивных наук заставили философов обратить взоры не только на просторы Вселенной, но и в глубины человеческого организма. Одним из ярких примеров может служить влияние теории У. Матураны и Ф. Варелы на системную теорию Н. Лумана. В центре внимания оказалось понятие «автопоэзис». Греческое происхождение этого ставшего популярным термина

напоминает о концептуальной связи еще со времен Античности философии и медицины.

Хотя влияние на общественные науки прописано историками науки больше со стороны физики, а не медицины и биологии, если внимательно рассмотреть философию культуры и политики под этим углом зрения, то можно обнаружить множество заимствований именно из медицины биологии. Прежде всего это организмические теории культуры от О. Шпенглера до Л.Н. Гумилёва, в которых общества рассматриваются как организмы со своими ритмами рождения, устойчивого развития и упадка. Не обошлось и без влияния санитарии. После того как применение отравляющих газов в военных целях было запрещено, иприт стали использовать для санитарной обработки. Первым, кому пришлось в голову сравнить евреев с вошью, был Й. Геббельс, что и определило их путь в газовые камеры. Об этом необходимо помнить, используя понятия вирусологии в теориях культуры. Можно согласиться с биологами, что живая природа — это самоочищающийся контейнер, но нельзя сложа руки ждать, пока вирус очистит Землю от половины населения (таков возможный пик пандемии). В этой связи наряду с научным изучением «коварства» объекта COVID-19 необходимо критически проанализировать его символическое содержание в сознании людей.

Идея конца человеческой исключительности, провозглашенная Ж.-М. Шеффером, реализуется как преодоление оппозиций «природа — культура», «человек — животное», «человек — техника», «человек — объект» [11, с. 226]. Подобно тому, как на смену Богу пришел человек, царское место субъекта-господина сегодня занял Другой. В постсекулярном мире присутствует множество нечеловеческих существ [5, с. 151]. Это животные, над которыми экспериментируют, используют для развлечения, приносят в жертву, употребляют в пищу, а также полтергейсты и призраки, посещающие нас в сновидениях и, наконец, разного рода симулякры в масс-медиа и компьютерных играх.

Наряду с формированием различных движений эмансипации и гуманизации изменяется и отношение к животным. Встает вопрос: можно ли признать животных субъектами, которые являются «собственниками» самих себя? Нынешнее — более чувствительное — молодое поколение уже не может смириться с тем, что статус животного подобен статусу раба в римском праве. Готова ли философия дать ответы на эти вызовы? Прежде чем решать этические и юридические вопросы, необходимо обсудить теоретико-методологические трудности [6, с. 5–13]. Классическое противопоставление субъекта и объекта трансформировалось в различие Я и Другого, представления о которых тоже радикально

Б.В. Марков,
А.М. Сергеев,
В.Н. Бочарников

Феномен пандемии
сквозь призму
метафизического,
антропологического
и социального
измерений

изменились. Участие в движениях, направленных на спасение природы и сохранение исчезающих видов животных, предполагает, что человеку надлежит измерять себя масштабом природного.

Структура дискурсов о животных и ее конституирующие элементы так или иначе обусловлены социальным контекстом [8, с. 46–61]. К сожалению, теоретики не могут договориться о том, какое право подобает свободному человеку, и совсем немногие обсуждают соматические права. Ситуация с правами животных еще более неоднозначна. Скорее всего, речь идет о регуляции наших отношений с животными. Прежде всего необходимо разобраться, как быть с микроорганизмами, вызывающими болезни. Задача философии на данном этапе обсуждения состоит не столько в прояснении биологической специфики животного, сколько в реконструкции его образа в современной культуре. Необходимо обсудить, как мыслится их сходство и отличие и как соотнести друг с другом миры животных и людей.

Культурный витализм

Здоровье культуры определяется высоким иммунитетом по отношению к чужому и одновременно способностью воспринимать полезные внешние факторы. Конечно, биологическая модель вирусологии должна быть использована в культурологии с некоторыми предосторожностями, но не стоит забывать об иммунитете. Открытие И.И. Мечникова интересно как раз тем, что антитела могут играть защитную роль: безопасность организма зависит не только от непроницаемости границы, но и от внутренней сопротивляемости. Организмы, в том числе и культурные, являются открытыми системами, для внутреннего развития которых чужое и внешнее, с одной стороны, опасно, а с другой — полезно. Например, пребывание за железным занавесом напоминает профилаторий, очищенный от вирусов чужого, однако его обитатели утрачивают иммунитет и становятся беззащитными, если перегородки разрушаются.

Развитие культуры Ф.П. Йоки описывал в биологических понятиях [9, с. 380–386]. Используя метафору антитела, философ пришел к теории дисторсии, согласно которой чужие разрушают культуру, в которую они внедряются. Когда число чужих превышает некую критическую массу, направление развития культуры меняется от восхода к закату. Эту конечную фазу деградации Йоки назвал ретардацией, то есть движением в обратном направлении. Для описания чужаков он использовал понятия микробиологии, сделав акцент на их вредоносности, виральности. На самом деле

антитела являются не только врагами, многие микроорганизмы оказываются защитниками. Организм существует в окружающей среде, получая пищу, которую может перерабатывать и усваивать, и для этого у него имеются каналы подсоединения. Точно так же обстоит дело в отношениях с другими организмами, которые связаны не только борьбой, но и кооперацией. Особую опасность представляют микроорганизмы, которые не отфильтровываются кожными мембранами, проникают внутрь организма и питаются его клетками.

По аналогии с антителами и раковыми клетками нередко определяется роль мигрантов и представителей чужих культур, группы которых не ассимилируются и не растворяются, а наоборот, как бы кристаллизуются и застывают в первоначальном состоянии. Наподобие молокан, они хранят верность материнской культуре, в то время как их историческая родина продолжает развиваться. В результате они оказываются чужими как для своей бывшей, так и для новой культуры.

Природа государства подразумевает мир внутри и борьбу снаружи. В экстремальной ситуации приходится признать, что примирение — это вторичная политика, первичной же основой является бескомпромиссная борьба. Пандемия вновь напоминает нам о том, что параллельно политическим и экономическим событиям, происходящим в XIX – начале XXI века, творится другая история. Это история развития биологических и культурных паразитов, история разного рода вирусов, включая компьютерные и медийные, которые сбивают культуру с ее жизненного пути.

Неразумная действительность и утрата идентичности

Пандемия есть насилие, которое разными путями стремится уничтожить все различия. В таком контексте раскрывается слабость всего того, что связано с просвещенческим пониманием сущности человека, ставшим фундаментом современной цивилизации и ее институтов, когда человек — в сущностном смысле — отождествлял себя с разумом и индивидуальной свободой. Пандемия не считает с индивидуальным и частным, она настолько их не замечает, что это обстоятельство толкает их к отказу от себя. В результате индивидуальное и частное растворяются в бездне общего. Во-первых, индивидуальное подвергается полной компрометации, то есть каждый человек воспринимается с обидой и болью. Во-вторых, в таком — внутренне смятенном — состоянии индивид в период пандемии и вынужденной изоляции предоставлен

Б.В. Марков,
А.М. Сергеев,
В.Н. Бочарников

Феномен пандемии
сквозь призму
метафизического,
антропологического
и социального
измерений

самому себе. В подобной ситуации под вопросом оказывается многое, а может быть, и все то, что выстроено на фундаменте индивидуального действия. Речь идет не о кризисе индивидуализма, а о неясности того, что предложить ему взамен. Непонятно, что может стать новым основанием нашей жизни. В разгар пандемии в ее эпицентре — а о периферии говорить можно только условно — становится крайне трудно ставить вопросы о целом. Целое, будучи вытесненным на край жизни, подменяется общим; в лучшем случае мы сталкиваемся с его «мерцанием».

Пандемия резко обостряет понимание того, как сложное заменяется и подменяется простым. Происходят стремительное упрощение и опрощение многого из того, что прежде понималось чем-то само собой разумеющимся. Простейшее одерживает победу на всех фронтах, когда вирус становится реальной угрозой сложноорганизованному живому, а меры управления обществом на основе запрета и насилия отбрасывают накопленный и воплощенный — в институтах, регламентах и процедурах — социальный опыт.

Разум во время эпидемии вынужден принимать то, что он обычно принимать не может. Со всей очевидностью обнажается ситуация, свидетельствующая о том, что есть реальность и вне разума, то есть принципиально неразумная реальность. И это становится сущностным вызовом всей нашей жизни, связанной с разумностью, ею пронизанной и ею фундированной. Власти предрежающие понимают, что неистовство, направленное против пандемии, может сломать любые стены, и поэтому во что бы то ни стало стремятся купировать его, не давая развернуться во всю силу. В результате человек загоняется в клетку — именно в клетку, а не в дом, ибо в доме должен быть простор, а также свободные вход и выход. Захватывающая сила вируса такова, что она заменяет собой то, что было для нас ближайшим, и нас самих. На месте ближайшего оказывается дыра, в которой оно исчезло.

Подобная дыра в бытии обнажает тот факт, что у нас нет «алиби в бытии» [2, с. 9–68]. Отсутствие дистанции, с одной стороны, и бытие с самим собой — с другой, в условиях изоляции ведут к перенапряжению. Такие основания, как разум и мораль, оказываются в сложившихся условиях нестабильными — отсюда иррациональное внимание к слухам: во всю силу разворачиваются фейковые инфоповоды и расцветает блеф. Для блефа нужны участники, те, через кого блеф способен развернуться с размахом. Сила блефующего растет по мере увеличения числа тех, кто им «пойман на крючок». Эпидемия способствует этому еще и потому, что захваченный ею человек, будучи дезориентированным даже в том, что он еще вчера, как ему казалось, знал и в чем был уверен

(не говоря уже о «тонких материях»), не просто принимает блеф за «чистую монету», но и оказывается силой, его наполняющей.

Все мы оказались захвачены не только самой пандемией, но и ответными действиями, которые первоначально носили спонтанный характер, однако впоследствии стали организовываться. Понятно, что теперь уже придется отстраняться от ряда последствий таких действий и выходить из захвата, который был нами самими организован. Похоже, открыто взглянуть на свои действия во время пандемии и отдать себе отчет в том, что сделали, будет крайне трудно, ибо придется признать не просто промахи и ошибки, но и то, что мы сами не знаем того, на что способны. Человек может идти на уничтожение не только своей природной среды, что можно было бы «списать» на неведение и неразумение, но и на уничтожение экономической, социальной и индивидуальной-личностной среды своего обитания.

Пандемия — та катастрофа, столкнувшись с которой мы рискуем не просто «очиститься», но и исчезнуть вовсе. Однако ее можно воспринимать как настоящее единичное и особенное «апокалиптическое» событие, благодаря которому мы обретаем шанс перемениться. При таком — в основе своей мифическом — понимании превалирует отношение к эпидемии как к трагедии, которая, если мы не струсим, может нас очистить. Идеологии, стремящиеся «овладеть» нами, во многом связаны с логикой мифов и активно ее используют [3]. Но здесь надо понимать, что такое очищение временное. Катарсис, если он случится, позволит дожить до следующей трагедии, которая потребует новых жертв.

«Вечное возвращение» или «апокалипсис»?

Если обсуждать проблему пандемии с позиции трансгуманизма, то ее решение будет отличаться от расхожих моральных суждений, но не оправдывает нашествия чужого. Наоборот, решение данной проблемы нацеливает на поиски более глубоких причин, нежели враждебность чужого. Это и внешние причины, связанные с возникновением чрезвычайных ситуаций там, откуда явилось чужое, и внутренние неурядицы внутри того общества, куда оно пришло. Ненависть к чужому во многом определяется кризисом общества, страхом беспорядка, при котором все начинают бояться всех. Издавна наши предки находили выход из таких кризисных ситуаций в жертвоприношении.

Кризис общества наступает по мере стирания различий. Таким образом, равенство как форма безразличия оказывается скорее опасным, нежели полезным. Страх распада устоявшихся различий,

Б.В. Марков,
А.М. Сергеев,
В.Н. Бочарников

Феномен пандемии
сквозь призму
метафизического,
антропологического
и социального
измерений

характерный для иерархических обществ, скрывает подлинную причину несчастий, каковой является возрастание круга насилия и мести, заражающих общество подобно чуме. Пытаясь избавиться от этого, люди выбирают козла отпущения: принесением его в жертву они очищаются и одновременно вытесняют коллективную вину за рост насилия, что способствует выходу из кризиса. Если жертва способна остановить деструктуризацию старой общности, то она же становится началом новой общности. Такое учредительное насилие открывает новый круг жертвенных ритуалов, которые не прекращаются никогда [4, с. 125]. Все первоначальные мифы о сотворении мира повествуют об убийстве одного мифического существа другим, что и связывается с учреждением нового культурного порядка. Неудивительно, что в запасе общества всегда находится новая жертва.

Нельзя ограничить насилие частично и временно, так как в этом случае мы «подпускаем» насилие к себе, позволяя ему расположиться на своей территории. С вторжением вируса в нашу жизнь опыт налаженного и безопасного существования, к которому мы привыкли и с которым срослись, оказался отброшен и растоптан. Приходится жить и понимать эпидемию, будучи в ней самой, а не в отстранении от нее. Такая отмена дистанции и невозможность занять положение внешнего наблюдателя, помимо прочего, ставит крест на том, что мы можем, не напрягаясь, отложить свое отношение к эпидемии на потом. Опираясь на опыт предшествующего развития, связанный с эпидемиями прошлого, когда множество заменяет и затемняет характер единственности и особенности такого события, можно полагать, что все как-то обойдется и в очередной раз удастся преодолеть выпавшие на нашу долю невзгоды. Однако характер каждой следующей эпидемии, с одной стороны, приобретает все более и более глобальный характер, не считаясь ни с какими границами, а с другой — захватывает те основания нашей жизни, которые еще вчера казались незыблемыми.

Катастрофичность становится одной из черт жизни современного человека, оказываясь характеристикой его коллективного существования, когда беда и разъединяет, и объединяет людей. Вместе с тем катастрофичность сегодня выступает и свойством внутреннего отношения человека с самим собой, когда он, враждуя с собой, опирается — в отношении к себе — именно на насилие. Мы, люди, давно не сталкивались с трансцендентным — не с трансцендентальными идеями в своем сознании, а именно с трансцендентным как «непостижимым», «священным», которое тем не менее присутствует в нашей жизни. Мы считали себя хозяевами жизни, относясь к ней с позиций обладания, не осознавая того, что она есть дар. Масштаб участия иного в нашей жизни

понимался преимущественно частным образом. Ориентиры, которыми мы руководствовались в жизни, под воздействием эпидемии показали свою мелкоту и несостоятельность. Мы нуждаемся в настоящих ориентирах, хотя и не знаем, каковы они. Под напором эпидемии нам надлежит научиться отличать обострившуюся непонятность от дезориентации. Сама по себе непонятность — признак того, что мы живы и можем относиться не только к уже установившемуся, но и к устанавливающемуся. Такой — далекий от определенности — аспект нашей жизни способен оказывать на нас воздействие, также как должно оказывать на нас воздействие понимание нами своей смертности и конечности.

* * *

COVID-19 оказался более сложным феноменом, чем представлялось. Ученые-вирусологи воздерживаются от комментариев, так как для них «понять» означает открыть лекарство или вакцину. Зато в обыденном сознании складываются самые фантастические образования из фактов и фейков, которые можно назвать мифами эпохи секуляризации. Это происходит не без помощи массмедиа, где вирус — не столько событие, сколько товар, предназначенный для продажи. Можно, конечно, сказать, что знание перестает быть собственностью ученых-мэтров и становится достоянием широкой публики. Однако такая «встреча» науки и жизни не вдохновляет. Можно признать правоту здравого смысла, если тот не противоречит фактам. Но образ пандемии, складывающийся в общественном сознании, далек не только от науки, но и от здравого смысла. Кроме фантазмов, которые всплывают в общественном сознании в трудные времена, на него влияют еще медицинские и социальные технологии, то есть организационные, институциональные и бюрократические структуры, в которых складываются соответствующие критерии оценок.

Что же делать? Представляется, философам и культурологам следует интересоваться открытиями биологии и аккуратно использовать ее понятия в качестве базовых метафор своих теорий. Также ученым стоит более миролюбиво относиться к «околонаучным» концепциям, учитывая то обстоятельство, что изгнанные за дверь, они нередко возвращаются в окно. Может быть, хорошим примером является позиция Ч. Дарвина, который признавал влияние концепции народонаселения Т. Мальтуса на теорию естественного отбора, но не страдал ни расизмом, ни «естественным» в его время английским высокомерием по отношению к «диким» народам.

Переключение внимания на финальность индивидуальной жизни и на конечность любой истории, какой бы значимой или ничтожной

*Б.В. Марков,
А.М. Сергеев,
В.Н. Бочарников*

Феномен пандемии
сквозь призму
метафизического,
антропологического
и социального
измерений

она ни представляла, должно побудить задуматься и философов. Ведь если есть какой-то смысл в нашей жизни, смысл любой — тяготеющей к конечности — истории, то необходимо выявить в ней другое начало, другую сторону конечности. Исторический нарратив включает не только героическое начало, но и перспективу конца. Поэтому то об этом и можно рассказывать «истории» [10]. Конечно, мы можем ничего не делать, полагая, что, если двинемся в направлении к «лучшему», то непременно обманемся или будем обмануты. Но, похоже, обманываться — неперенный спутник человека, так что рискнуть все-таки стоит. Как «мыслящий тростник» (по Б. Паскалю), человек способен освободиться от капкана пандемии.

Литература

1. Агамбен Дж. Открытое: Человек и животное / пер. с итал. и нем. Б.М. Скуратова под ред. М. Маяцкого и Д. Новикова. М.: РГГУ, 2012.
2. Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 20-х годов. Киев: Next, 1994. С. 9–68.
3. Жирар Р. Завершить Клаузевица: Беседы с Бенуа Шатроном / пер. с фр. А.И. Зыгмонта. М.: ББИ, 2019.
4. Жирар Р. Насилие и священное / пер. с фр. Г.Д. Дашевского. 2-е изд., испр. М.: Нов. лит. обозрение, 2010.
5. Кожевникова М. Гибриды и химеры человека и животного: от мифологии к биотехнологии. М.: ИФРАН, 2017.
6. Межуев В.М. Гуманизм и современная цивилизация // Человек. 2013. № 2. С. 5–13.
7. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Мир, 2009. С. 249–295.
8. Тимофеева О.В. История животных. М.: Нов. лит. обозрение, 2017.
9. Улик Варандж [Йоки Ф.П.]. Imperium: Философия истории и политики / пер. с англ. Н.М. Селиверстовой. СПб.: Русский Мир, 2017.
10. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики / пер. с нем. В.В. Библихина, А.В. Ахутина, А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2013.
11. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Нов. лит. обозрение, 2010.
12. Naess A. Ecology, Community and Lifestyle: Outline of an Ecosophy. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 1989.

The Pandemic Phenomenon Through the Prism of its Metaphysical, Anthropological and Social Dimensions

Boris V. Markov

DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophical Anthropology.

Institute of Philosophy, St. Petersburg State University.

5 Mendeleevskaya Line, St. Petersburg 199034, Russian Federation.

E-mail: b.markov@spbu.ru

Andrei M. Sergeev

DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy.
Institute of Human Philosophy, Herzen State Pedagogical University of
Russia.

26 Malaia Posadskaia Str., St. Petersburg, 197046 Russian Federation.

E-mail: asergeev8@yandex.ru

Vladimir N. Bocharnikov

DSc in Biology, Professor, Leading Researcher.

Pacific Institute of Geography Far Eastern Branch of Russian Academy of
Sciences.

7 Radio Str., Vladivostok 690041, Russian Federation.

E-mail: vbocharnikov@mail.ru

Abstract. The article discusses a number of divergent views on the understanding of the pandemic phenomenon, the emergence of which has entailed both a change in people's habitual perceptions and a transformation of a number of conceptual assumptions, as well as the actualization of new thematic lines in philosophical anthropology. The authors concur that the pandemic mobilizes the symbolic, existential and biological immune systems of the human being. The resultant text has become a fusion of various concepts which have sometimes found an unexpected expression in a series of basic metaphors of culture and which refer to the understanding of life in biology, psychology and cultural studies. Reflections on the pandemic have emphasized new facets of the relationships between the simple and the complex, the close and the distant, the individual and the social, the natural and the cultural, the expected and the unexpected, between what is one's own and someone else's, between the other and the different. In this perspective, an opportunity is created for a new attitude to a number of traditional philosophical rubrics, including the themes of "rationality", "individuality" and "sociality". The authors assume that such concepts as the living and the inanimate, the human and the animal are positional, i.e. they are conditioned, on the one hand, by objective, natural laws and facts, and on the other hand, are loaded with symbolic content which, in turn, is revealed to be quite heterogeneous and to embrace, in addition to theories, a spectrum of value judgments and cultural norms and traditions. Hence, the authors programme can be described as "cognitive cultural studies" or "cognitive anthropology". As a result, the present analysis of the biological, socio-historical and cultural-symbolic context of discussions on the nature of COVID-19 has made it possible to distinguish and then re-connect various discourses. What appears to be the article's most relevant contribution to the social sciences is the authors conception of "symbolic immunology" which makes cautious use of concepts of virology with reference to cultural interactions. Like organisms, cultures are not closed, they interact with their environment, they need injections of the other, and even the alien, which contribute to strengthening the "health" of a culture, rather than to destroying it.

Б.В. Марков,
А.М. Сергеев,
В.Н. Бочарников

Феномен пандемии
сквозь призму
метафизического,
антропологического
и социального
измерений

Keywords: pandemic, virus, wildlife, the living and the inanimate, man, I and the Other, one's own and someone else's, violence, symbolic immunology, cultural virology.

For citation: Markov B.V., Sergeev A.M., Bocharnikov V.N. The Pandemic Phenomenon Through the Prism of its Metaphysical, Anthropological and Social Dimensions // *Chelovek*. 2020. Vol. 31, N 3. P. 7–24. DOI: 10.31857/S023620070010034-4.

References

1. Agamben G. *Otkrytoe: Chelovek i zhivotnoe* [The open: Man and Animal], transl. from Ital. and Germ. by B.M. Skuratov. Moscow: RGGU Publ., 2012.
2. Bahtin M.M. *K filosofii postupka* [Toward a Philosophy of the Act]. Bahtin M.M. *Raboty 20-h godov* [The Works of the 20s]. Kiev: Next Publ., 1994. P. 9–68.
3. Girard R. *Zavershit' Klausevitza: Besedy s Benoit Chantre* [Battling to the End: Conversations with Benoît Chantre], transl. from Fr. by A.I. Zygmunt. Moscow: BBI Publ., 2012.
4. Girard R. *Nasilie i svyashchennoe* [Violence and the Sacred], transl. from Fr. by G.D. Dashevskii. 2nd ed., rev. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010.
5. Kozhevnikova M. *Gibridy i himery cheloveka i zivotnogo: ot mifologii k biotekhnologii* [Hybrids and Chimeras: from Mythology to Biotechnology]. Moscow: IFRAN Publ., 2017.
6. Meschuev V.M. Gumanism i sovremennaya tsivilizatsiya [Humanism and Modern Civilization]. *Chelovek*. 2013. N 2. P. 5–13.
7. Stepin V.S. Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlichenia [Classic, Non-classic, Post-classic: Criterion for Distinguishing]. *Postneklassika: philosophia, nauka, cultura* [Postneklassika: Philosophy, Science, Culture]. St. Petersburg: Mir Publ., 2009. P. 249–295.
8. Timofeeva O.V. *Istoriya zhivotnykh* [The History of Animals]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017.
9. Ulick Varange [Yockey F.P.]. *Imperium: Filosofiya istorii i politiki* [Imperium: The Philosophy of History and Politics], transl. for Engl. by N.M. Seliverstova. St. Petersburg: Russky Mir Publ., 2017.
10. Heidegger M. *Osnovnye poniatia metafiziki* [The Basic Concepts of Metaphysics], transl. from Germ. by V.V. Bibikhin, A.V. Akhutin, A.P. Shurbelev. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2013.
11. Schaeffer J.-M. *Konets chelovecheskoi iskluchitel'nosti* [The End of the Human Exclusiveness], transl. from Fr. by S.N. Zenkin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010.
12. Naess A. *Ecology, Community and Lifestyle: Outline of an Ecosophy*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989.